1

О, как ты плакала, Марика,
Не многим плакать так дано,
И небо за горой великой
С тобой рыдало заодно.

Звезда сквозь тучи в отдаленье
Проблескивала, как свеча,
И, как былое сновиденье,
Цвела на склоне алыча.

А твой Симон лежал безмолвно,
Он жизни отдал столько сил,
Что пальцы были тонки, словно,
Устав, перо он отложил.

Как ты, Марика, убивалась!
А он на покрывале трав
Лежал, незряч, и нам казалось,
Что он закрыл глаза, устав.

Сомкнул он веки глаз печальных,
Что видели давно с трудом
На небе свет созвездий дальних
И на земле соседский дом.

Как бесполезны были слезы
Над тем, кто позабыть успел,
Что розовы весною розы,
Что снег в горах зимою бел.

О, как, Марика, ты скорбела,
Бессильные, стояли мы
Там, где Симона и Пшавела
Теперь соседствуют холмы.

О, как ты плакала, Марика,
Был птичьим крик твой в тишине,
И что-то было в нем от крика,
Что к небесам взлетит по мне.

С любовью смерть разновелика,
Как боль и радость, день и ночь.
О, как ты плакала, Марика,
Но чем я мог тебе помочь!

2

Знаю, ты мне, о женщина, внемлешь.
Но, бессильному, что мне сказать,
Как восславить тебя, словно землю,
Что несет нам свою благодать!

В час печали дарить утешенье,
Быть любимою не мудрено,
Но провидцу, лишенному зренья,
Стать глазами не каждой дано.

О Марика, над белой горою,
Ввысь, где снег да нездешняя мгла,
С песней барда и славой героя
Имя «Женщина» ты подняла.

Нет венцов, чтоб тебя увенчали,
Нет стихов, чтоб тебя вознесли,
Чувства женщины выше печали,
Выше слов и несчастий земли.

Не в безмолвном унынье скорбящей,
Не ликующей радостным днем —
Я запомню тебя в настоящем,
Безутешном величье твоем.

Кто я есть, чтоб нести утешенье,
Что подвластно мне, что мне дано?
Люди — смертны, как смертны растенья,
Но бессмертна любовь, как зерно.

1966